

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ОБРАЗ

К 130-летию поэтессы Зинаиды Гиппиус

Независимая газета, 1999. - 26 нояб. - с. 7

Геннадий Красников

ДАЖЕ если бы Зинаида Николаевна Гиппиус не написала ни одной из своих книг, она все равно была обречена остаться в истории русской культуры XX века. Незаурядность ее ума, таланта, характера на протяжении десятилетий привлекала к себе внимание, пожалуй, всех выдающихся людей нашего столетия.

Даже внешне она выделялась из общего круга. Надежда Тэффи вспоминала: «Одевалась она очень странно. В молодости оригинальничала: носила мужской костюм, вечернее платье с белыми крыльями, голову обвязывала лентой с брошкой на лбу. С годами это оригинальничанье перешло в какую-то ерунду. На шею натягивала розовую ленточку, за ухо перекидывала шнурок, на котором болтался у самой щеки монокль». А секретарь Мережковских Злобин, имевший возможность наблюдать Гиппиус в обыденной обстановке, признавался: «Странное это было существо, словно с другой планеты... Цель ее мистификаций — отвлечь от себя внимание. Под разными личинами она скрывает, прячет свое настоящее лицо, чтобы никто не догадался, не узнал, кто она, чего она хочет».

Самая Зинаида Николаевна не скрывала, что свое «святое святых», свои сокровенные хождения по мукам и запутанным лабиринтам она не желает выносить на догласное обозрение: «А тайну грозную, последнюю и верную — // Я все равно вам не скажу...» В этой добровольной таинственности, «лунности» ее жизни (при одновременной публичности, жажде быть в центре литературных и общественных событий) есть своя личная драма Гиппиус.

Трудно не согласиться и с Георгием Адамовичем, считавшим, что друзья и знакомые Зинаиды Гиппиус «должны были, каждый по-своему, дать к ее книгам нечто вроде психологического комментария. Ее «дело», ее «досье» в истории литературы останется без этого неполно». Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех работах о Зинаиде Гиппиус обязательно передается тайна ее семейных отношений с Дмитрием Мережковским зачастую как бы через замочную

скважину в супружескую спальню. Хотя, без сомнения, бесполость, болезненная осклопленность ее стихов заслуживают особого разговора и исследования. Ибо в этом не только личная декадентская черта Гиппиус, но и не менее характерный знак эпохи, которая испытывает отвращение к плодотворной здоровой жизни. В обстоятельствах этой болезни рождались в начале века все революции, все грядущие трагедии России...

В 1893 году Зинаида Гиппиус пишет стихотворение «Песня», ставшее через какое-то время не только знаменитым, но и во многом определившим поэтессе фактически первое место в новой поэзии. Как замечает Аврил Пайман, автор исследования по истории русского символизма, Гиппиус «выделялась среди собственных сверстников, так как действительно первой нашла «несказанное слово», способное передать новые чувства и проникнуть в усталые сердца». Так о чем же это «несказанное слово» в своего рода манифестной «Песне» Зинаиды Гиппиус?

*Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю.*

*Стремлюсь к тому,
чего я не знаю,
Не знаю...*

*...Но плачу без слез
о неверном обете,
О неверном обете...*

Первым на стихи поэтессы обратил внимание Иннокентий Анненский, указавший на то, что в ее поэзии отразилась «какая-то безусловная минутность, какая-то настойчивая, почти жгучая потребность ритмически передать «полное ощущение минуты», и в этом — их сила и прелесть».

Если же отвлечься от теории литературы, то остается история русского интеллигенции, которая, как теперь показывает время, во многом оказалась безответственной и недальновидной перед судьбой народа и страны. Как персонаж эпохи, Зинаида Гиппиус наиболее ярко выразила эту сложнейшую историческую коллизию.

Вот читаем дневниковую запись Гиппиус: «В октябре тысяча восемьсот девяносто девятого года, в селе Ордине, когда я была занята писанием разговора о Евангелии, а именно о плоти и крови в этой книге,

ко мне пришел неожиданно Дмитрий Сергеевич Мережковский и сказал: «Нет, нужна новая Церковь». А уже 29 марта 1901 года, и не в какой-нибудь обычный, случайный день, но по всем правилам театральной экзальтации, в Великий Четверг, самый ответственный и строгий день Великого поста, Мережковский, Гиппиус и Дмитрий Филосовф учредили «новую Церковь», так сказать, личный домашний мо-

Зинаида Гиппиус.

настырь со своим уставом, а именно — с молитвой втроем по самодельному ритуалу. «Я стала работать над молитвами, беря их из церковного чина и вводя наше», — запишет позднее Гиппиус. С такой вот «святою простотою» и начиналось вытаскивание по кирпичику из фундамента. Отсюда уже два шага до новой игры в «лерзювень».

Восторженно приветствуя первую революцию, Мережковский, Филосовф и Гиппиус пытаются собрать в октябре 1906 года митинг с призывом к духовенству «разреши войско от присяги царю», объявить Синод «лишенным канонических прав», прекратить в храмах молитвы за царя и царствующий дом. Далее, создатели «нового религиозного сознания» и «новой Церкви» стали пропагандировать странный выход из общественного кризиса — надо, считали они, лишить монархию религиозной санкции, религиозно «размазать» (их дьявольское словцо!) помазаника-самодержца, таким манером устранив последнюю поддержку самодержавия в народе.

Вот уж воистину: «Мы — над бездной ступени, // Дети мрака...»

Здесь речь не идет о том, что Мережковские повинны в трагедии России. Речь вообще о поколении соблазнителей и прельстителей духовных. Они ведь сами первыми возопили от ужаса, когда на их голову полетели первые же обломки рухнувшего государства, с таким бессовестным артистизмом ими же и подточенного!

В своей лучшей книге «Сияния», написанной в изгнании, Зинаида Гиппиус скажет, словно оглядываясь на прошлые блуждания: «...Змеится луна в воде, — // Но летит, золотая, дорога... // Ущерб, перелест везд. // А мера — только у Бога».

В поздних, послереволюционных стихах Зинаиды Гиппиус все чаще тема, мысли, чувства поэта не вмещаются в «ощущение данной минуты». Тут мы, конечно же, имеем дело с переживанием Большого времени (воспользуемся термином Бахтина). И если в чем никогда и ни от кого у Зинаиды Гиппиус не было тайн и недоговоренностей, как показывают «Сияния», так это в ее любви к России. Здесь она выражалась прямо и порою очень жестко, дабы не было никаких толкований. Пройдя вместе со своей Родиной Голгофу ее революции, войн, расколов и смут, Гиппиус и у себя дома, на родной земле, и в эмиграции, где провела более двадцати лет, до самой смерти чувствовала судьбу России как свою собственную.

Время, эпоха сделали Гиппиус поэтом трагического мироощущения. В блистательной плеяде предшественников Серебряного века Зинаида Гиппиус занимает ту часть звездного небосвода, где в туманной дымке мерцает холодноватый таинственный свет ее очень странной судьбы и лирики, притягательность которых неизменно возрастает в такие замутненные времена, как нынешнее. Кажется, подбери только ключ к их разгадке, и ты приблизишься к пониманию нескончаемой русской трагедии. Но оставила ли поэтесса этот ключ, вот в чем вопрос. Она лишь намекнула: «...Есть какое-то одно слово, // В котором вся суть».

Но какое это слово? Где-то оно лежит в ее стихах. Будем же внимательно к тому, что оставляет русская поэзия нам, уходящим из века двадцатого в неизвестность века наступающего...

Независимая газета. - 1999. - 26 нояб. - с. 7